Карта многоукладности: пригородные и периферийные зоны Тюменской области

А. В. Шелудков, С. В. Рассказов

Александр Владимирович Шелудков, аналитик Ассоциации «Совет муниципальных образований Тюменской области», аспирант Института географии РАН. 119017 Москва, Старомонетный пер., 29. E-mail: a. v.sheludkov@gmail.com.

Сергей Валерьевич Рассказов, кандидат географических наук, доцент кафедры Новой истории Тюменского государственного университета, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. E-mail: sergei.rasskasov@gmail.com.

Статья посвящена изучению географических предпосылок развития феномена многоукладности сельской экономики. Авторы используют данные ведомственной статистики и Росстата, чтобы показать, как отличается социально-экономический ландшафт в удаленных и близких к центрам селах. Различия между ними создают условия для доминирования разных типов экономических агентов; происходит специализация сельских территорий по формам и отраслям хозяйства. Товарные производства, предприятия и фермерские хозяйства тяготеют к городам. Здесь формируется зона пригородного сельского хозяйства, развита маятниковая миграция. Крупные предприятия полностью встроены в систему формального рынка. Они одерживают победу в конкуренции за земельные ресурсы, специализируются на производстве зерновых. Фермеры могут выигрывать за счет развития сервисных производств. На периферийных территориях юго-востока региона выделяются граждане, ведущие ЛПХ, фермеры (КФХ) и кооперативы. ЛПХ используют приусадебные участки и незанятые земли, развивая молочное и мясное животноводство, выращивают картофель и овощи, производят мед. Выделяющихся из среды ЛПХ владельцев крупных хозяйств можно также считать потенциальными фермерами, однако в силу институциональных барьеров они остаются на полулегальном положении. В целом поселения субрегиона находятся на границе между формальной (через КФХ и кооперативы) и неформальной (через ЛПХ, перекупщиков и т. д.) экономикой. Здесь также могут работать крупные предприятия, но они чаще всего выступают как внешние игроки, эксплуатирующие ресурсы периферии и мало связанные с местной жизнью. Представленная картина динамична. Векторы ее эволюции содержат экономические и социальные риски, связанные с постепенным вытеснением средних и мелких производителей сельскохозяйственной продукции крупными предприятиями, а также зависимостью периферийных хозяйств от посреднических структур. Вместе с тем многоукладность создает и новые возможности — экономическую специализацию территорий и общую диверсификацию сельской экономики. Работа выполнена в рамках комплексного исследовательского проекта Совета муниципальных образований Тюменской области.

Ключевые слова: многоукладная экономика, сельская экономика, сельские поселения, сельские муниципалитеты, социально-экономическая поляризация, центр-периферийная структура.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-102-114

С началом разложения советской командной системы управления на сельских территориях в пределах Российской Федерации стартовал целый комплекс социальных процессов, часть из которых была новой, часть — вызревала в позднесоветском обществе, но ин-

ституциональные трансформации начала 1990-х годов придали им особую динамичность и силу. Эти процессы и порожденные ими феномены позволяют говорить о значительно выросших за последние 25 лет неоднородности и социальной сложности сельских территорий, методической неоднозначности при комплексном анализе сельской местности. Разнонаправленные миграционные процессы — отток молодежи в города, отходничество, с одной стороны, дачное и коттеджное освоение и ре-освоение, обратная миграция и дауншифтинг — с другой, очертили границы полюсов расселения и экономической активности. В сельской экономике действуют фермеры и многочисленные скромные собственники личных подсобных хозяйств, крупные агропредприятия и «распределенные мануфактуры»; каждая из указанных групп — ядро особого уклада в сложной мозаике аграрной многоукладности. Фрагментация сельского пространства привела к вынужденной изоляции отдельных социумов, иногда — к архаизации образа жизни. В то же время появились сообщества, стремящиеся к этой изоляции сами и извлекающие из нее выгоду. Город и его пригороды, с одной стороны, и отдаленные сельские населенные пункты — с другой, живут сегодня по разным социальным законам и в разных социальных временах.

На протяжении трех последних лет Советом муниципальных образований Тюменской области осуществляется исследовательский проект, направленный на комплексное описание сельских территорий региона и определение подходов к разработке стратегий их развития. В рамках проекта проведено десять полевых экспедиций, охвативших более ста поселений, организован сбор статистических данных на базе похозяйственного учета[1]. Цель работы — анализ основных регистрируемых на пространстве сельских территорий явлений и процессов с учетом их территориального распределения и многообразия, построение модели, которая позволила бы показать и хотя бы частично объяснить неоднородность этого пространства.

Настоящая статья представляет некоторые итоги работы исследовательской команды и посвящена географическим предпосылкам развития феномена сельской многоукладности. По нашему мнению, различия трансформационных процессов в ближних и удаленных селах определили условия для доминирования разных типов экономических агентов.

Термин «хозяйственный уклад» используется для описания определенного способа ведения хозяйства со свойственными ему специфическими особенностями производственных отношений. Уклад означает не только экономическую модель и уровень технологического развития (технологический уклад), но и определенный образ

1. При реализации проекта использованы средства, выделенные в качестве гранта фондом поддержки социальных исследований «Хамовники» (2015, № 003).

Таблица 1. Структура производства основных видов продукции животноводства и растениеводства по категориям хозяйств в Тюменской области без автономных округов,
% от общего объема производства

	с.-х. организации		ЛПХ		КФХ и ИП	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014
Зерновые и зернобобовые культуры	81,0	81,2	0,1	0,2	18,9	18,7
Картофель	29,0	29,3	64,7	65,1	6,3	5,6
Овощи	26,7	25,9	68,4	69,3	4,9	4,9
Молоко	48,3	49,1	48,1	47,3	3,6	3,6
Яйцо	95,0	95,2	5,0	4,8	0,0	0,0
Мед	0,0	0,0	99,1	100,0	0,9	0,0
Мясо (в убойном весе) — всего	61,1	62,3	38,2	36,9	0,6	0,8
говядина и телятина	44,2	44,8	52,6	51,0	3,2	4,2
свинина	50,0	51,2	50,0	48,8	0,0	0,0
баранина и козлятина	0,8	0,0	98,2	99,3	1,0	0,7
мясо птицы всех видов	95,0	95,2	5,0	4,8	0,0	0,0

Источник: Тюменьстат, 2015.

жизни — систему социальных, культурных, политических и иных связей (Многоукладность, 2009: 12–13). В процессе постсоветской трансформации аграрного сектора сложилось по меньшей мере три уклада: крупные и средние агропредприятия, фермерские хозяйства, а также личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Именно эти три категории экономических агентов фиксируются в официальной статистике (табл. 1). Однако, как отмечает Т. Нефедова, приведенная классификация довольно условна, так как между укладами сложно провести четкие границы. В действительности их количество больше. Так, агропредприятия заметно различаются по масштабам деятельности и способам организации производства, среди хозяйств можно выделить крупнотоварные, близкие к фермерским, да и сама фермерская среда крайне неоднородна. Здесь есть и семейные хозяйства, и предприятия, основанные на наемном труде, и т. д. Отдельно можно отметить дачников, формирующих свой особый уклад (Нефедова, 2006: 227). Согласно определению О. Фадеевой, уклады обусловлены «доминирующими целями... и организационными формами экономической деятельности субъектов, действующими правилами распределения базовых ресурсов (труд, земля, капитал) и сложившимися формами взаимодействия с сельскими сообществами». Они задают институциональную структуру и определяют пра-

вила поведения субъектов хозяйствования — акторов организаций, предприятий, домохозяйств — в локальных сельских сообществах (Фадеева, 2015: 34), могут меняться под воздействием внешней среды, становиться более или менее распространенными, по-разному сочетаться друг с другом.

Многоукладность экономики рассматривается как признак переходного периода, когда наряду со старыми укладами существуют новые (Нефедова, 2013: 87). Однако наши наблюдения показали, что присутствие на территории одного муниципалитета одновременно нескольких — и старых, и новых — типов экономических агентов — сравнительно редкое явление. Чаще речь идет о доминировании отдельных укладов на разных территориях; таким образом, социальная дифференциация сопровождается дифференциацией пространственной.

Феномен обнаруживается при анализе распределения количественных показателей по отдельным сельским муниципалитетам. Авторы использовали несколько таких индикаторов. При оценке развитости хозяйств мы оценивали численность поголовья коров в хозяйствах населения в расчете на одно хозяйство. Анализировали географическое распределение числа зарегистрированных на сельских территориях предпринимателей. Индикаторами развитости сельскохозяйственных предприятий служили показатели доходности муниципальных бюджетов.

По оценкам Департамента агропромышленного комплекса Тюменской области, общее количество ЛПХ в регионе превышает 170 тыс. ед. Более половины (95 тыс.) занимаются производством товарной продукции. Определить объемы рынка сельхозпродукции ЛПХ крайне сложно. Эта деятельность не считается предпринимательской и не облагается налогами. Интервью с селянами показали, что значительная часть ЛПХ встроена через сети перекупщиков в распределенные производства, география действия которых распространяется за пределы отдельных муниципалитетов и регионов. В тени мясной рынок, а также рыбный и ягодный промыслы. Сфера молочного животноводства наиболее вписана в официальные рамки. Ни владельцам ЛПХ, ни кооперативам не выгодно утаивать продукцию, так как регион дотирует закупку продукции: на каждый литр принятого у населения молока область дает 3 руб. из бюджетных средств. Именно поэтому показатели по производству молока и поголовью коров в ЛПХ можно считать наиболее достоверными.

Всего в системе молочной кооперации в регионе участвует более 21 тыс. личных подсобных хозяйств. Как видно на рис. 1, феномен развитых ЛПХ скорее характерен для периферийных и полупериферийных территорий, находящихся в удалении от городов и иных инфраструктурных центров. Выделяются сельскохозяйственные юго-восточные районы области — поселения Сладковского, Казанского, Абатского, Армизонского и Сорокинского районов. Городские центры вытягивают экономически активное население, и в пригородах

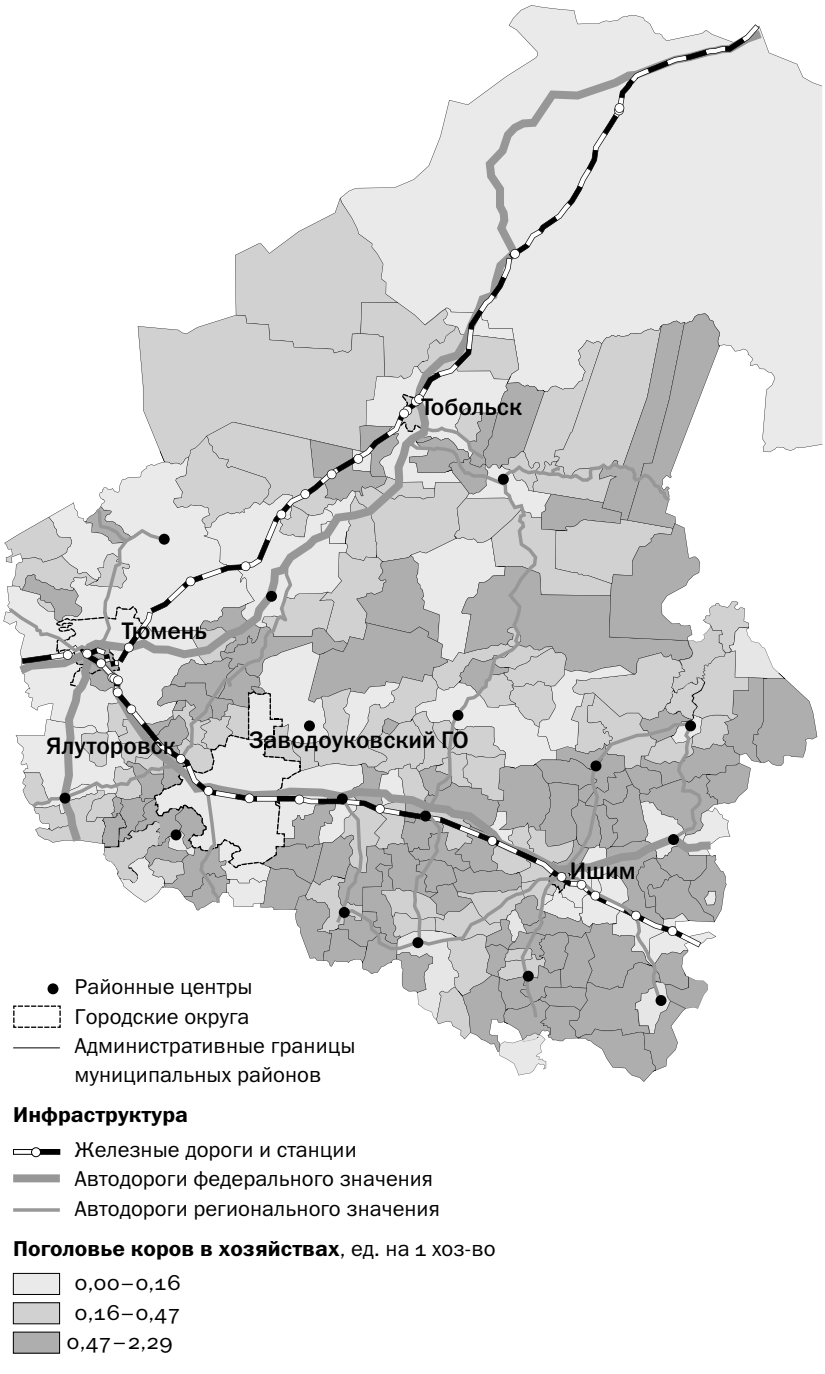


Рис. 1. Поголовье коров в хозяйствах населения

развивается маятниковая миграция. Кроме того, сказывается конкуренция за локальные (земельные) ресурсы со стороны крупных производителей. Дополнительную поддержку концентрации развитых ЛПХ в наименее урбанизированной юго-восточной части области оказывают природные и социальные условия — высокое плодородие почв, развитое зерновое хозяйство и сохранность «квазиколхозных» форм хозяйствования, в рамках которых владельцы ЛПХ могут получать сравнительно дешевые корма.

Анализ географического распределения зарегистрированных на сельских территориях предпринимателей и предприятий показывает незначительные различия между отдельными муниципальными районами. На построенной карте (рис. 2) выделяется ряд районных центров, а также поселения тюменской пригородной зоны, другие городские узлы региона — Тобольск и Ишим — оказывают на предпринимательскую активность куда меньшее влияние в сравнении с областной столицей и даже некоторыми райцентрами.

По данным Росстата, в структуре производства основных видов продукции сельского хозяйства на юге Тюменской области основной вклад крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей приходится на производство зерновых и зернобобовых культур (19% региональной продукции, табл. 1). В производстве молока и мяса фермеры участвуют слабо — 3,6 и 0,8% соответственно. Высокие налоговые и административные издержки заставляют фермеров мимикрировать под крупные ЛПХ и кооперативы. Последние, несмотря на свою организационно-правовую форму, часто действуют по модели ООО или ИП — арендуют паевые земли, оказывают населению отдельные услуги в области лесо- и кормозаготовки. Эти кооперативы учреждены не в целях создания кооперационных цепочек, а в целях упрощения процедуры регистрации юридического лица, пользования паевой собственностью и получения налоговых льгот. Данные ведомственной статистики показывают, что потенциальными фермерами можно считать также порядка 5,5% владельцев ЛПХ. Эти хозяйства содержат 30% общего поголовья молочного скота ЛПХ и реализуют до 40% молочной продукции.

На карте распределения уровня НДФЛ в бюджетах муниципальных образований, приведенного к количеству трудоспособного населения (рис. 3), отчетливо выделяется базовая структура расселения и хозяйства региона. Практически все муниципалитеты с цветом более интенсивным, чем маркирующий минимальный уровень, привязаны к пригородным зонам, основным транспортным артериям и южной сельскохозяйственной зоне (прежде всего районные центры). Наиболее высокие зарплаты — вдоль транспортной магистрали Тюмень — Тобольск — ХМАО, где расположены отраслевые поселения и население частично занято в нефтегазовой сфере (ОАО «Газпром», ОАО «АК „Транснефть“») и структурах РЖД.

На этом фоне хорошо видна социальная «периферия» региона — совокупность изолированных, труднодоступных, малонаселенных



Рис. 2. Предприятия и предприниматели

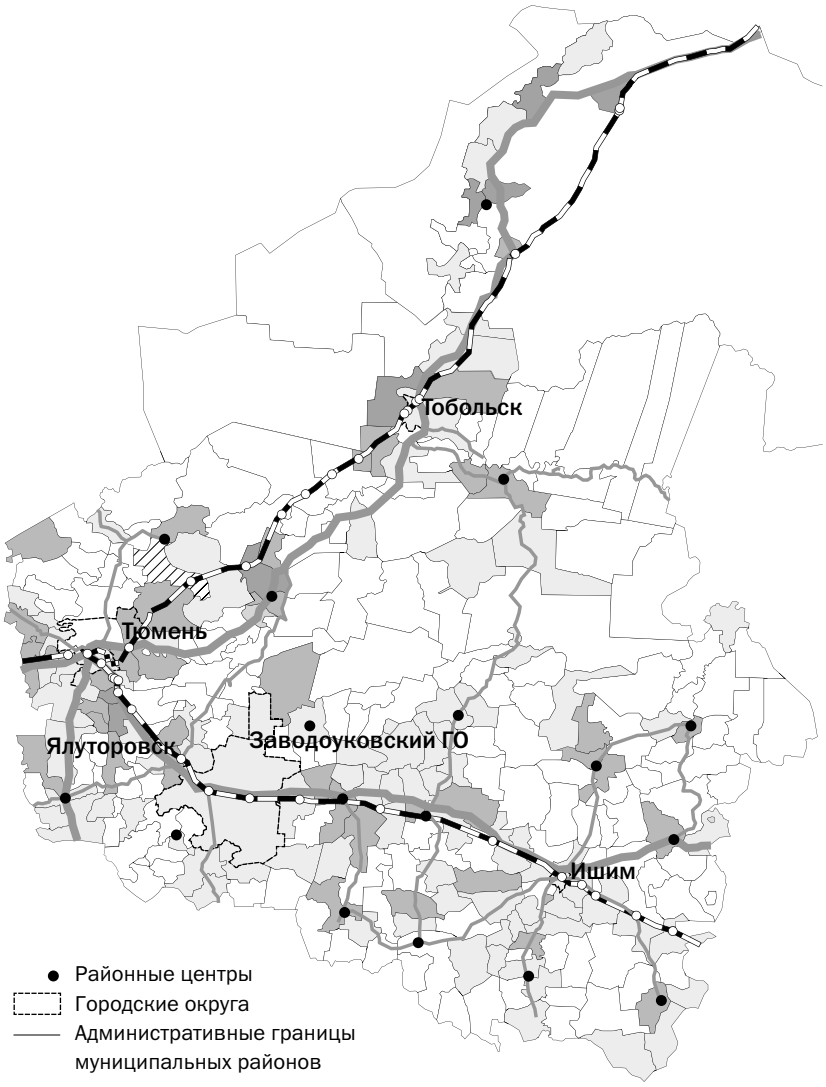


Рис. 3. НДФЛ в структуре доходов бюджета сельского поселения

поселений с низким потенциалом развития и плохой инфраструктурой. НДФЛ в несколько сотен рублей на человека для этих муниципалитетов скорее всего маркирует невысокий процент занятости и распространенность «условных» зарплат, уровень которых не призван обеспечить все потребности работающих. То есть по умолчанию предполагается, что человек находит пропитание или дополнительный заработок где-то еще: в неформальном секторе, в собственном хозяйстве, на работе за пределами поселения и т. д.

Распределение поселений по доле собственных доходов в бюджете (рис. 4) дает похожую картину, однако дополнительно подчеркивает особую роль тюменской пригородной зоны, в которой концентрация бюджетно благополучных муниципалитетов определяется системными факторами, и иерархию центров территории: тобольская и ишимская зоны выражены заметно слабее.

Многоукладность сельской экономики есть *проявление социально-экономической специализации территорий по доминирующим типам экономических агентов, формам и отраслям сельского хозяйства*. Товарные производства — предприятия и фермерские хозяйства — тяготеют к рынкам сбыта, прежде всего городам. При этом в конкуренции за локальные ресурсы победу чаще одерживают крупные модернизированные предприятия. На полупериферии они составляют основу локальной экономики — здесь формируется зона пригородного сельского хозяйства. Предприятия полностью встроены в систему формального рынка, специализируются на производстве зерновых, вносят существенный вклад в производство мяса и молока, в меньшей степени — картофеля и овощей. Сельские жители частично заняты на предприятиях, работают в административных центрах (хотя и не так массово, как в пригородной зоне), наличие транспортных артерий определяет развитие сферы придорожного сервиса, в снабжении которого принимают участие ЛПХ. Фермеры могут выигрывать за счет развития сервисных производств.

На периферийных территориях юго-востока региона можно выделить как минимум три типа экономических агентов — граждан, ведущих ЛПХ, фермеров (КФХ) и кооперативы, представляющие собой переходную от советских предприятий форму, или, что чаще, мелкий и средний бизнес. В ЛПХ используются приусадебные участки и незанятые земли, развивается молочное и мясное животноводство, а также выращиваются картофель и овощи, производят мед. Выделяющихся из среды ЛПХ владельцев крупных хозяйств можно также считать потенциальными фермерами, однако в силу институциональных барьеров они остаются на полулегальном положении. В целом поселения субрегиона находятся на границе между формальной (через КФХ и кооперативы) и неформальной (через ЛПХ, перекупщиков и т. д.) экономикой. Здесь также могут работать крупные предприятия, но они чаще всего выступают как внешние игроки, эксплуатирующие ресурсы периферии и мало свя-

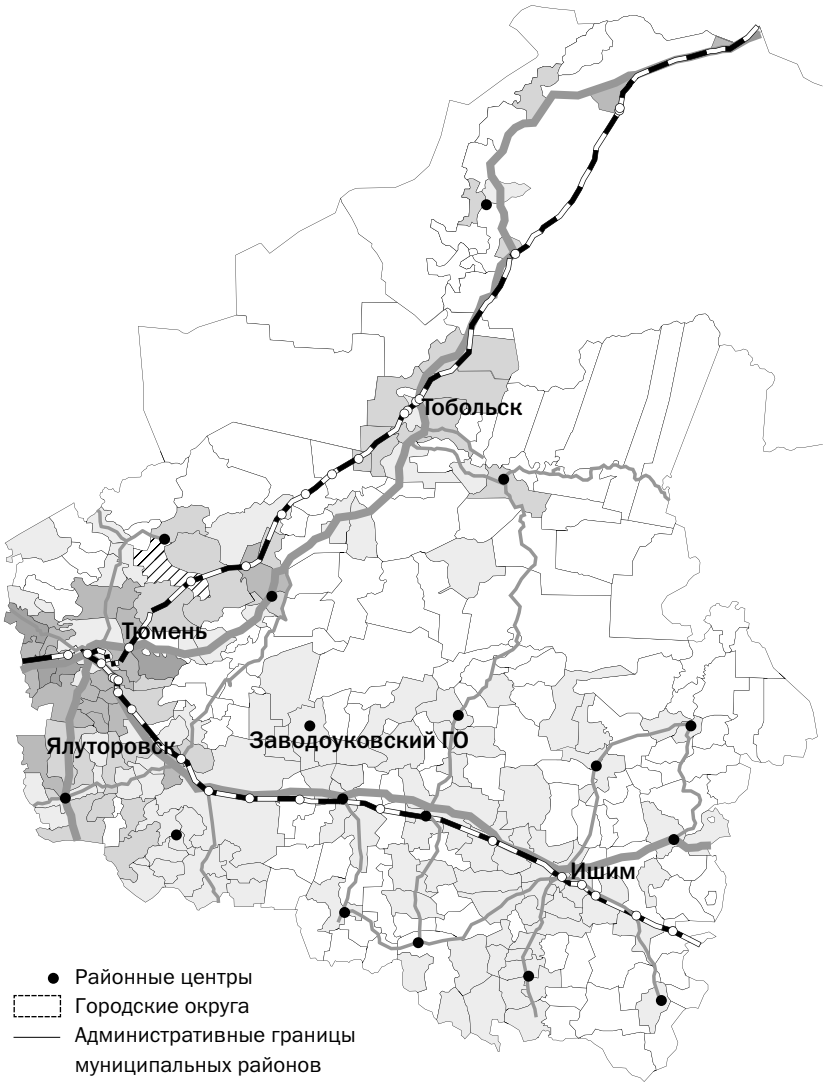


Рис. 4. Доля собственных (исключая безвозмездные поступления) доходов в структуре доходов бюджета сельского поселения

занные с местной жизнью. На севере области в силу ландшафтных особенностей развиваются ягодный и рыбный промыслы. В удаленных поселениях природные ресурсы часто неподконтрольны властям, поэтому используются более свободно. Сбыт осуществляется по неформальным каналам и сетям через земляков или приезжих перекупщиков. Сложность контроля в слабозаселенной местности ослабляет некоторые административные барьеры.

Представленная картина динамична. Векторы ее эволюции определяют экономические и социальные риски. Постепенное вытеснение с рынка средних и мелких производителей сельскохозяйственной продукции крупными предприятиями, в особенности на полупериферийных и периферийных территориях, создает риски повышения уровня безработицы, снижения доходов граждан, усиленного оттока населения с сельских территорий. Зависимость мелкотоварных хозяйств от посреднических структур означает перераспределение прибыли в пользу посредников, завышенные цены на продукты питания за счет включения в стоимость посреднических надбавок, сохранение положения значительной части рынка в тени. Вместе с тем многоукладность экономики предоставляет и множество возможностей. Важно не столько противодействовать, сколько использовать существующие тренды в попытках управления территориями на государственном и муниципальном уровнях. Дифференциация сельских территорий создает основу для их экономической специализации и общей диверсификации сельской экономики.

Библиография

Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы (2009) / под ред. Т. Е. Кузнецовой. М.: Институт экономики РАН.

Нефедова Т. Г. (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России // Ответы географа. М.: URSS. Т. 456. С. 15–73.

Нефедова Т. Г. (2006). Многоукладность сельской экономики и хозяйственная самоорганизация сельских обществ // Отечественные записки. № 1.

Тюменьстат. Структура производства основных продуктов животноводства по категориям хозяйств в Тюменской области без автономных округов, 2015. http:// tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/edb5ad804d1577bc946dbfc5b34c73c1/структура.htm. Структура производства основных продуктов растениеводства по категориям хозяйств в Тюменской области без автономных округов, 2015. http:// tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/13828880 4d1577a493efbbc5b34c73c1/структура+раст.htm.

Фадеева О. П. (2015). Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / под ред. З. И. Калугиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.

Mapping Multistructural Rural Economy: Suburban and Peripheral Areas of the Tyumen Region

Alexander Sheludkov, Analyst, Association "Council of Municipalities of the Tyumen Region", post-graduate student of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Staromonetniy per., 29. Moscow, Russia 119017. E-mail: a. v.sheludkov@gmail.com.

Sergei Rasskasov, PhD (Geography), Associate Professor, Department of Modern History, Tyumen State University. 6 Volodarskogo St. 625003 Tyumen, Russia. E-mail: sergei.rasskasov@gmail.com.

The article considers the geographical prerequisites for the development of multistructural rural economy. The authors use departmental statistics and the data of the Federal State Statistics Service to show the differences of social-economic landscapes in remote and close to centers rural areas. Such differences determine the domination of particular economic agents, and the specialization of rural areas by forms and sectors of agriculture. For instance, commodity production, agribusiness and private farms concentrate around the cities; here a suburban area of agriculture is developing supported by the pendulum migration; large enterprises are fully integrated in the formal market and win the competition for land resources, especially in grain production, while the farmers can benefit from the development of service industries or narrow economic niches. In the peripheral areas of the southeast, there are smallholdings, peasant farms and cooperatives. People use household plots and free land to develop dairy and meat husbandry, to grow potatoes and vegetables, and to produce honey. The owners of large household plots can be considered potential farmers, but due to the high institutional barriers they retain a semi-legal status. In general, settlements of the sub-region teeter on the edge of formal (cooperatives and peasant farms) and informal (smallholdings, secondhand dealers, etc.) economies. Large-scale enterprises can also work here, but usually they act as external players exploiting resources of the periphery and not taking care of local communities. However, the situation is not static, its vectors of development include economic and social risks associated with the gradual displacement of small and medium agricultural producers by large enterprises, and with the dependence of peripheral farms on the intermediary structures. At the same time, the multistructural economy creates new opportunities such as economic specialization of villages and diversification of rural economy. This research was conducted as a part of the complex research project of the Council of municipalities of the Tyumen region.

Keywords: multi-structural economy, rural economy, rural settlements, rural municipalities, social-economic polarization, center-periphery structure.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-102-114

References

Mnogoukladnost' Rossii (2009): istoricheskie korni, sostoyanie i perspektivy [Multistructural Russia: Historical Roots, Current State, and Prospects] / Pod red. T. E. Kuznetsovoy. Moscow: Institut ekonomiki RAN.

Nefedova T. G. (2013) *Desyat' aktualnykh voprosov o selskoi Rossii. Otvety geografa* [Ten Urgent Questions about Rural Russia. Answers of a Geographer]. Moscow: URSS.

Nefedova T. G. (2006) Mnogoukladnost' sel'skoi ekonomiki i khozyaistvennaya samoorganizatsiya sel'skikh obshchestv [Multistructural rural economy, and economic self-organization of rural communities]. *Otechestvennye zapiski*, no. 1.

Tyumenstat (2015) *Struktura proizvodstva osnovnykh produktov zhivotnovodstva po kategoriyam khozyaistv v Tyumenskoy oblasti bez avtonomnyh okrugov* [Structure of the

livestock production by categories of farms in the Tyumen Region without autonomous districts] // URL: http:// tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/edb5ad804d1577bc946dbfc5b34c73c1/struktura.htm (Access date: 06.04.2016).

Struktura proizvodstva (2015) osnovnykh produktov rastenievodstva po kategoriyam khozyaistv v Tyumenskoi oblasti bez avtonomnykh okrugov. [Structure of the crop production by categories of farms in the Tyumen Region without autonomous districts] // URL: http:// tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/13828880 4d1577a493efbbc5b34c73c1/struktura+rast.htm (Access date: 06.04.2016).

Fadeeva O. P. (2015) *Sel'skie soobschestva i khozyaistvennye uklady: ot vyzhivaniya k razvitiyu* [Rural Communities and Economic Structures: From Survival to Development] / Pod red. Z. I. Kaluginoy. Novosibirsk: IEOPP SO RAN.